

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1871](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871)

А. О. Макаренцева, Н. И. Галиева, Д. М. Рогозин

(НЕ)ЖЕЛАНИЕ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Рогозин Д. М. (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 492—515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>.

For citation:

Makarentseva A. O., Galieva N. I., Rogozin D. M. (2021) Desire (Not) To Have Children in the Population Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 492–515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>. (In Russ.)

(НЕ)ЖЕЛАНИЕ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ

МАКАРЕНЦЕВА Алла Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

ГАЛИЕВА Надежда Илшатовна — научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: galievana@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1967-3577>

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: nizgor@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>

Аннотация. В представленной статье исследуются изменения в репродуктивном поведении населения современной России через призму предпочтений бездетности. Авторы рассматривают ответы на вопросы о желании иметь детей в соотношении с индивидуальными характеристиками респондентов, а также анализируют особенности коммуникации в ходе массового опроса, исследуют процес-

DESIRE (NOT) TO HAVE CHILDREN IN THE POPULATION SURVEYS

Alla O. MAKARENTSEVA¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting*
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

Nadezhda I. GALIEVA¹ — *Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting*
E-MAIL: galievana@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1967-3577>

Dmitrii M. ROGOZIN¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Director of the Field Research Center*
E-MAIL: nizgor@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>

¹ Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article explores changes in the fertility behavior through the lens of childlessness preferences in modern Russia. The authors consider answers to the questions about the desire to have children in relation to the individual characteristics of the respondents and analyze the features of communication in the course of a quantitative population survey, investigating the processes of interpretation of questions and the formation

сы интерпретации вопросов и формирования ответов. Эмпирической базой работы выступают данные и аудиозаписи трех волн крупного общенационального репрезентативного опроса населения «Человек, семья, общество» (2015, 2017 и 2020 гг.).

Данные указывают на значительный рост числа респондентов, заявляющих о нежелании иметь детей. В целях повышения достоверности полученных результатов авторы используют комплексные индикаторы предпочтений бездетности, которые подтверждают выявленную тенденцию. Показано, что предпочтения бездетности формируются под влиянием двух направлений факторов: депривационного и модернизационного. Кроме того, наблюдается изменение социального портрета тех, кто не хочет иметь детей: если в 2017 г. он определялся преимущественно отсутствием супруга или партнера в домохозяйстве, то в 2020 г. — целым комплексом характеристик.

Интерпретируя рост предпочтений бездетности, авторы обращаются к анализу коммуникации между респондентами и интервьюерами. Показано, что вопрос о желании иметь детей легок и понятен для восприятия, но чрезвычайно сложен для поиска в памяти релевантной информации и формулирования суждения респондентом, а также для корректной записи развернутого ответа интервьюером. Нередко респонденты демонстрируют амбивалентную позицию «с одной стороны и с другой стороны», которая завершается конкретным ответом под влиянием текущей коммуникативной ситуации. Авторы полагают, что общий рост бездетных и малодетных устано-

of answers. The empirical basis of the work is the data and audio recordings of the three waves of a major nationwide representative survey «Person, Family, Society» (2015, 2017 and 2020).

The authors point to a significant increase in the number of respondents stating their desire not to have children. In order to improve the reliability of the results, the study uses multiple indicators of childlessness preferences, which confirm the revealed trend. Childlessness preferences are formed under the influence of two different processes, deprivation and modernization. In addition, there is a change in the social portrait of those who do not want to have children: while in 2017 preferred childlessness was determined mainly by the absence of a spouse or a partner in the household, in 2020 it is associated with a broad set of characteristics.

To interpret the growth of childlessness preferences, the authors perform an analysis of communication between respondents and interviewers. The question about the desire to have children is easy and understandable, but extremely difficult in terms of information retrieval and formulation of judgment by the respondent, and in terms of recording the detailed answer by the interviewer. Often, the respondent declares an ambivalent position answering with a construct «on the one hand, and on the other hand», and the final answer is formed under the influence of the current communicative situation. Finally, the authors believe that the overall growth of childless and dynamics of fertility intentions was intensified by the COVID-19 pandemic: against the background of spring quarantine, respondents were unprepared

вок был усилен пандемией коронавируса: на фоне весеннего карантина респонденты высказывались о неготовности к рассуждениям о рождении ребенка.

Ключевые слова: репродуктивные установки, бездетность, желание иметь детей, интервьюер, респондент, поведенческое кодирование коммуникации, массовый опрос

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2021 г.

for the very discussion about the birth of a child.

Keywords: reproductive intentions, childlessness, desire to have children, interviewer, respondent, behavioral coding of communication, quantitative survey

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme in 2021.

Предпочтения в отношении числа детей давно находятся в центре исследований репродуктивного поведения населения. Задачей настоящей работы стал поиск корректной интерпретации зафиксированного опросами роста числа мужчин и женщин, заявляющих о нежелании иметь детей. В статье предпринята попытка соединить демографический и социологический взгляды на исследования репродуктивных предпочтений. Классический демографический подход использует опросы населения как черный ящик — с одной стороны в него загружаются методологически выверенные (как правило, длинные и сложные) вопросы о репродуктивном поведении населения, а с другой — извлекаются количественные оценки. Демографический подход не подвергает сомнению валидность полученных оценок и не осмысляет коммуникацию респондента с интервьюером. Мы же обращаемся не только к анализу связей ответов о желании иметь детей с другими характеристиками респондента, но и к процессу внутреннего поиска, основанному на анализе особенностей коммуникации, понимании вопроса и формировании ответов.

В первой части статьи задана историческая рамка исследований репродуктивных установок и актуализации в них вопроса о предпочтениях бездетности. Во второй части представлен анализ опросных данных, а в завершении — разбор коммуникаций интервьюера и респондента, проведенный на основе транскрипций их диалогов. Источником данных выступают три волны общенационального репрезентативного опроса населения «Человек, семья, общество» (2015, 2017 и 2020 гг.), каждый из которых охватывал около 9500 респондентов. В 2020 г. опрос проходил с марта по май, в период распространения новой коронавирусной инфекции и введения режима изоляции для борьбы с ним. В этот период население еще не ожидало, что социальные и экономические ограничения будут столь длительными. Однако мы предполагаем, что длительные планы в этот период уже корректировались — не по причине реального изменения в материальном

положении или здоровье членов семьи, а по причине резкого роста субъективной неопределенности и тревожности.

Вопросный инструментарий трех волн обследования «Человек, семья, общество» примерно одинаков, он включает в себя вопросы о демографической политике, рождаемости, уходе за детьми, доходах, жилье, физическом самочувствии. Используемые показатели репродуктивных установок населения традиционны для количественных опросов о репродуктивном поведении. Преимущество этого опроса заключается в использовании CATI-технологии (computer assisted telephone interview), которая, помимо прочего, дает возможность использования аудиозаписей интервью в аналитических целях.

История вопроса: от исследований желания иметь несколько детей к исследованиям бездетности

Исследования предпочтений в отношении числа детей имеют длительную историю, вопросы об идеальном размере семьи включались в опросы населения еще в первой половине XX века [Neely, 1940]. Всплеск исследований репродуктивных установок пришелся на середину XX века, и он был спровоцирован массовым распространением практик контроля рождаемости [Freedman, Baumert, Bolte, 1959; Westoff, Mishler, Kelly, 1957]. Уже в этих исследованиях анализировалась проблема устойчивости предпочтений и специфики ответов респондента на вопросы в разных формулировках.

В советские опросы населения вопросы о репродуктивных установках включались с 1960-х годов. Исследователи пытались концептуально разделить показатели: «идеальное число детей — когнитивная компонента репродуктивной установки (ориентация на социальные нормы), желаемое — когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое — практическая компонента (установка действия)» [Борисов, 1976: 204]. При этом рекомендовалось включать в обследования все три вопроса — желательно подряд¹ [Белова, Дарский, 1972]. Однако дальнейший опыт массовых опросов показал, что респонденты склонны подгонять желаемое число детей под то, которое они же называли идеальным, а ожидаемое — почти неизбежно оценивать более низко [Trent, 1980].

Несмотря на методологические проблемы, показатели репродуктивных установок дают ценный материал для исследований репродуктивного поведения населения. На эмпирическом уровне неоднократно подтверждена связь между установками в отношении рождения детей и фактическим поведением. Ряд авторов указывают на то, что сначала меняются установки, а затем поведение [Ajzen, Fishbein, 1980; Schoen et al., 1997].

В своих предыдущих работах мы подробно анализировали, как люди отвечают на вопрос о желаемом числе детей и что представляют собой «все необходимые условия»² [Тындик, 2015; Ипатова, Тындик, 2015]. В частности, мы пришли к выводу, что, начинаясь со слова «сколько» и заканчиваясь допущением обо «всех необходимых условиях», его формулировка изначально направляет ответ респон-

¹ Использовали их и Рональд Фридман, и Лоладжин Кумбс, полагая, что если ожидаемое и желаемое число детей совпадают, то ожидания более стабильны во времени [Freedman, Coombs, Bumpass, 1965].

² Формулировка: «Сколько всего детей вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые условия?».

дента в русло социально одобряемого поведения, то есть в сторону завышения числа детей. В такой форме респондента не спрашивают о самом желании иметь детей, формулировка практически не предполагает ответа «нисколько». Когда в массовых обследованиях появился вопрос о желаемом числе детей, добровольная бездетность не была предметом исследовательского интереса. В настоящее время установки на бездетность входят в наиболее актуальные вопросы изучения рождаемости.

Распространенность бездетности среди женщин в возрасте 30—34 и 40—44 лет за последние десятилетия выросла во многих европейских странах. Среди всех 40—44-летних женщин доля бездетных остается относительно низкой (около 10%) только в Болгарии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Португалии, Румынии и России (в России речь идет о поколении 1960-х годов рождения, в следующем поколении она будет в интервале 11%—15%). Средний уровень бездетности в этом возрасте (11%—15%) наблюдается во Франции, Бельгии, Грузии, Германии, Норвегии, Словакии, Словении, Швеции и в США. Наконец, высокий уровень бездетности (около 20%) фиксируется сейчас в Австрии, Италии, Нидерландах и Великобритании [Miettinen et al., 2015].

Рост бездетности обеспечивается преимущественно увеличением числа добровольно бездетных. К таковым относят не только те пары или тех женщин, которые никогда не хотели иметь детей³, но и тех, кто «просто остался бездетным» [Toulemon, 1996: 9], а также тех, кто слишком долго откладывал рождение ребенка [Gobbi, 2013: 964]. Большинство же скорее остаются бездетными без явного обдумывания решения о том, становиться или не становиться родителем [Toulemon, 1996]. Поэтому в западной литературе все чаще используется термин «остающиеся бездетными», а не «выбирающие бездетность». Другими словами, ядро окончательно бездетных представляют не те, кто остался таковым в результате принятия решения не иметь детей, а те, кто никогда не принимал решения иметь детей «сейчас» [Keizer, Dykstra, Jansen, 2007]. Увеличение числа мужчин и женщин, планировавших рождение «когда-нибудь потом», но так и не начавших воплощать его в жизнь, становится ключевым фактором роста окончательной бездетности.

В России также отмечается рост бездетности, длительное время оставшейся на уровне 5%—7%. Если в когортах 1980-х гг. рождения уровень окончательной бездетности будет в пределах 10%—15%, то в когортах 1990-х годов рождения можно ожидать его увеличения в коридоре 15%—18% [Biryukova, Tyndik, 2015; Захаров, 2016]. Эта тенденция актуализирует исследования репродуктивных предпочтений населения в России, выявление социального портрета предпочитающих бездетность и рефлексию о формировании предпочтений бездетности.

Кто выбирает «нет»?

В трех волнах опроса «Человек, семья, общество» задавался вопрос о желании иметь детей в одинаковой формулировке: «Вы хотели бы иметь (еще) детей?». Доля бездетных респондентов до 44 лет, не желающих иметь детей, последовательно выросла с 5% в 2015 г. до 22% в 2020 г. (см. табл. 1).

³ Тех, кто уже в раннем возрасте заявлял о своем намерении не иметь детей, совсем немного среди общего числа бездетных [Keizer, Dykstra, Jansen, 2007: 2].

Таблица 1. Динамика ответов на вопрос о желании иметь детей среди бездетных респондентов в возрасте от 18 до 44 лет включительно, % по столбцу

Вы хотели бы иметь детей?	2015	2017	2020
Хотел(а) бы иметь детей	93	88	75
Не хотел(а) бы иметь детей	5	10	22
Затрудняюсь ответить	2	2	3
Итого, респондентов	1887	1758	1928

Этот рост можно интерпретировать по-разному: считать полученные показатели реальными оценками распространения добровольной бездетности, указывать на влияние периода проведения опроса [Макаренцева, 2020] или задаваться вопросом об измеримости желания иметь детей в принципе.

Из предшествующих исследований мы знаем, что добровольно бездетные имеют ряд отличительных характеристик. Во-первых, добровольная бездетность распространяется среди групп населения с высоким социально-профессиональным статусом, для которых конкуренция времени жизни особенно высока. Предпочтение бездетности формируется на основе высокого места карьеры и потребления развлечений в иерархии потребностей человека. Во-вторых, добровольная бездетность иногда формируется в социально неблагополучных слоях, когда индивид не может обеспечить рождение и воспитание детей экономически. В-третьих, добровольная бездетность тесно связана с неблагополучием в брачно-партнерских отношениях. В-четвертых, небольшая часть населения может быть отнесена к чайд-фри — в этом случае выбор бездетности является следствием устойчивых ценностных убеждений, отличных от нормативных для общества. Если предположить, что наблюдаемый рост числа предпочитающих бездетность связан преимущественно с неопределенностью будущего или с изменениями в коммуникации интервьюеров и респондентов, то социальный портрет респондентов в опросе 2020 г. должен слабо коррелировать с отмеченными выше социальными характеристиками; эту гипотезу мы проверим на опросных данных. Кроме того, мы сравним характеристики предпочитающих бездетность в 2020 и 2017 гг.⁴ — с тем чтобы оценить направление изменения их социального портрета.

Таким образом, мы анализируем факторы, способствующие выбору ответа «нет» на вопрос «Вы бы хотели иметь детей?» в опросе 2020 г. Размер целевой выборки составляет 1928 респондентов в возрасте 18—44 года, из них 425 человек (22%) предварительно можно отнести к добровольно бездетным.

В ходе апробации моделей в список независимых переменных включалось множество факторов; характеристики родительской семьи, разные индикаторы материального положения, тип населенного пункта, индикаторы ценностных установок и т. п. В качестве итоговых были выбраны модели с максимальным количеством значимых переменных. Из них была исключена переменная пола

⁴ В 2015 г. размер целевой выборки недостаточен для анализа.

(как незначимая), но добавлена такая новая переменная, как уровень «цифровизации» — вовлеченность в пользование интернетом⁵.

Регрессионный анализ мы проводили на всей подвыборке и отдельно на подвыборке молодежи в возрасте 18—24 года. Апробация регрессионных моделей тестировала две гипотезы:

— предпочтение бездетности формируют депривированные группы. Для этого использовались такие индикаторы, как отсутствие супруга(и), невысокое материальное положение, отсутствие работы, низкий уровень образования, проживание в сельской местности;

— предпочтение бездетности формируют группы — форварды модернизации. Для этого использовались такие переменные, как проживание в крупнейших городах (Москве или Санкт-Петербурге), отрицательное отношение к религии, высокое материальное положение, высшее образование, отсутствие братьев и сестер (как индикатор малодетного окружения в детстве), высокое вовлечение в цифровую среду.

Нулевой гипотезой выступало предположение, что предпочтение бездетности в настоящий момент формируется под давлением социально-эпидемиологических обстоятельств и не имеет определенного социально-экономического портрета.

На полной выборке респонденты до 25 лет в выборе предпочтений бездетности не значимо отличаются от респондентов старше 35 лет, тогда как в средних возрастах (25—34 года) значимо реже говорят о нежелании иметь детей (см. табл. 2). Другими словами, мы видим U-образную зависимость по возрасту: «слишком рано об этом думать», «пора», «слишком поздно об этом думать».

Комплекс индикаторов депривации значимо увеличивает шансы предпочтений бездетности: образование ниже высшего (в 1,6 раза), отсутствие супруга (в 1,4 раза), невысокое материальное положение (в 1,3 раза).

Отношение к религии по-прежнему сильно регламентирует желание иметь детей: если респондент относит себя к неверующим или затрудняется ответить на вопрос о религии, то шансы на предпочтение им бездетности увеличиваются в 3,2 раза. Значимы также факторы отсутствия братьев и сестер и высокое вовлечение в пользование интернетом.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа на выборках 18—44 года в 2017 и 2020 гг., зависимая переменная — нежелание иметь детей

	2020			2017		
	B	Значимость	Exp(B)	B	Значимость	Exp(B)
18—24 года	0,149	0,410	1,161	0,946	0,000	2,576
25—29 лет	-0,508	0,015	0,602	0,421	0,107	1,523
30—34 года	-0,602	0,007	0,548	-0,478	0,159	0,620

⁵ Список индикаторов: «Как часто вы... часто, иногда, редко или никогда? 1) покупаете через интернет вещи (одежду, технику и другое); 2) используете интернет для работы из дома, подработки; 3) используете интернет для получения медицинской информации; 4) используете интернет для получения образования (онлайн-уроки)». Из этих индикаторов была сформирована комплексная дихотомическая переменная, которая принимает значение «1» в случае хотя бы однократного выбора ответа «часто».

	2020			2017		
	В	Значимость	Exp(В)	В	Значимость	Exp(В)
Образование ниже высшего	0,476	0,001	1,610	-0,005	0,979	0,995
Нет супруга	0,275	0,058	1,316	1,878	0,000	6,541
Материальное положение ниже «хорошего»	0,225	0,061	1,252	-0,046	0,783	0,955
Отсутствие сиблингов	0,249	0,077	1,283	0,014	0,948	1,014
Неверующий	1,166	0,000	3,208	1,041	0,000	2,831
Высокое вовлечение в пользование интернетом*	0,361	0,004	1,434	0,053	0,781	1,055

Примечание: референтные категории по всем переменным в таблице опущены.

* В 2017 г. данная переменная отсутствует, она заменена индикатором пользования интернетом каждый день и пользования социальными сетями.

Таким образом, на полной выборке предпочтения бездетности формируются под влиянием двух направлений факторов: депривационного и модернизационного. Сравнение с 2017 г. дает более полную картину. Тогда предпочтения бездетности были тесным образом связаны с отсутствием супруга/партнера в домохозяйстве (отношение шансов выше в 6,5 раза). Кроме этого фактора, значимы были только отношение к вере и молодой возраст.

Вернемся к 2020 г. и рассмотрим отдельно подвыборку молодежи. Значимыми в модели становятся следующие факторы (см. табл. 3):

— Образование ниже высшего или обучение на момент опроса: по сравнению с наличием высшего образования это повышает шансы выбора бездетности в 2,3—2,4 раза. Возможно, этот фактор отражает возраст респондента внутри небольшой возрастной группы, однако включение в регрессию линейной переменной возраста не показывает ее значимости;

— Отсутствие супруга отрицательно влияет на предпочтение бездетности, снижая шансы такого выбора в 0,6 раза. Этот фактор тоже косвенно связан с возрастом;

— Повышают отношение шансов выбора бездетности и другие индикаторы депривированности: невысокое материальное положение (в 1,3 раза) и отсутствие занятости (в 1,4);

— Самоидентификация респондента как неверующего повышает отношение шансов выбора бездетности в 3,2 раза, высокое вовлечение в использование интернета — в 1,8 раза.

Таким образом, в молодежной группе выбор бездетности связан преимущественно с депривационными характеристиками, предположительно усиленными возрастными ограничениями доступа к ресурсам. Другими словами, речь идет скорее об откладывании мыслей о деторождении, чем о предпочтении бездетности.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа на выборке респондентов в возрасте 18—24 лет, 2020 г., зависимая переменная — нежелание иметь детей

	B	Значимость	Exp(B)
Ниже высшего и не учится	0,840	0,006	2,316
Учится	0,885	0,003	2,424
Нет супруга	-0,372	0,094	0,689
Материальное положение ниже «хорошего»	0,276	0,088	1,318
Не работает	0,346	0,047	1,413
Неверующий	1,156	0,000	3,177
Высокое вовлечение в пользование интернетом	0,566	0,003	1,761

Примечание: референтные категории по всем переменным в таблице опущены.

После апробаций регрессионных моделей было решено усилить зависимую переменную, косвенно исключив откладывающих решение о том, иметь или не иметь детей. В 2020 г.⁶ респондентов спрашивали о согласии с нормативным утверждением «Это нормально, когда человек решает никогда не иметь детей — скорее согласен, скорее не согласен» (пересечение индикаторов представлено в табл. 4). В качестве новой зависимой переменной в регрессионном анализе выступает пересечение категорий из таблицы 4. Это 16,8% от целевой выборки бездетных респондентов до 45 лет, или 76% от прежней выборки респондентов, отрицательно ответивших на вопрос о желании иметь детей.

Таблица 4. Пересечение подмножеств индикаторов предпочтения бездетности, респонденты без детей в возрасте 18—44 лет, % по таблице

		Вы бы хотели иметь (еще) детей?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Это нормально, когда человек решает никогда не иметь детей	Скорее согласен	38,8	16,8	1,5
	Скорее не согласен	33,1	4,7	1,0
	Затрудняюсь ответить	3,2	0,6	0,3

В самой молодой возрастной группе значительно выше шансы выбора общенных предпочтений бездетности — в 5,3 раза по сравнению со старшей возрастной группой. Шансы предпочтений бездетности выше в столицах и ниже в сельской местности. Значительно влияние отсутствия супруга: оно повышает отношение шансов выбора предпочтений бездетности в 3,7 раза. В то же время утратил статистическую значимость фактор плохого материального положения и образования (убрано из модели). Отсутствие сиблингов, высокое вовлечение в пользование интернетом и самоидентификация в качестве неверующего сохранили свою значимость и силу влияния.

⁶ В анкете 2017 г. этого вопроса не было.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа на выборке респондентов в возрасте 18—44 лет, зависимая переменная — обобщенное предпочтение бездетности

	B	Значимость	Exp(B)
18—24 года	1,668	0,000	5,301
25—29 лет	0,631	0,006	1,880
30—34 года	0,166	0,490	1,180
Столицы (Москва, С.-Петербург)	0,483	0,006	1,621
Сельская местность	-0,395	0,063	0,674
Нет супруга	1,322	0,000	3,751
Материальное положение ниже «хорошего»	0,180	0,179	1,197
Нет братьев или сестер	0,371	0,013	1,450
Неверующий	1,499	0,000	4,475
Высокое вовлечение в пользование интернетом	0,469	0,001	1,599

Примечание: референтные категории по всем переменным в таблице опущены.

Таким образом, обобщенные предпочтения бездетности теснее связаны с модернизационными индикаторами, но в то же время сильным фактором остается наличие или отсутствие стабильных партнерских отношений. Можно говорить о том, что в некоторых случаях связь с партнерским статусом имеет обратное направление: например, чайлд-фри могут избегать долгосрочных партнерских союзов. Однако в большинстве случаев респонденты, даже отвечая на гипотетический вопрос о желании иметь детей, принимают во внимание реальные обстоятельства своей жизни.

Рассмотрев социальный портрет респондентов, заявляющих о нежелании иметь детей, обратимся к исследованию особенностей самой коммуникации между респондентом и интервьюером при ответе на вопросы о репродуктивных установках.

Надежность измерения

Позволяет ли такой инструмент, как опрос, замерить реальное состояние дел? Действительно ли растет доля тех, кто отказывается от родительского опыта? Или рост обусловлен ошибками измерения? Позволяет ли опрос адекватно регистрировать желания и представления взрослых?

Короткие реплики и однозначные высказывания дают мало аналитической информации, поэтому в каждом году проведения исследования мы выделили наиболее продолжительные интервью как индикаторы коммуникации с разговорчивым, как правило, раскрывающим свою позицию респондентом. Было отобрано по 25 % самых длительных интервью с бездетными и детными респондентами в каждом из трех вариантов ответов на вопрос о желании иметь детей: «хотел(а) бы», «не хотел(а) бы» и «затрудняюсь ответить». Случайным образом из каждой категории за каждый год было отобрано по 10 интервью с бездетными

и по 10 — с детными респондентами. Итого за три года в трех категориях было получено 90 ответов бездетных и 90 ответов детных о желании или нежелании иметь детей. Кодирование диалога интервьюера и респондента проведено по транскрипциям аудиозаписей. Сам опрос предполагает полностью стандартизированное интервью. Однако мы неоднократно говорили, что такой формат представляет собой не только сбор данных, но и коммуникацию, межличностное взаимодействие, в котором решается множество задач, от установления контакта до поддержания приятной и интересной респонденту беседы [Ипатова, Рогозин, 2014].

В своем анализе основное внимание мы уделяли отношению участников интервью к анкетному вопросу, определяющему и формирующему предмет разговора. Отклонятся ли интервьюер от опросного задания, задает ли вопрос в точности так, как он написан? Отвечает ли респондент в соответствии с вопросом или отклоняется, уходит от ответа? Уточняет ли интервьюер ответ? Задает ли респондент встречные вопросы? Демонстрирует ли свое непонимание? Объясняет ли интервьюер смысл вопроса? Другими словами, проходит ли коммуникация в простой стандартизированной, не вызывающей разночтения форме или отклоняется в сторону обыденного разговора, беседы? Приводят ли такие отклонения к смещениям, ошибкам регистрации ответов? Насколько часто совершаются коммуникативные ошибки? Угрожают ли они качеству измерения?

Кодируя отдельные элементы поведения интервьюера и респондента, мы получили возможность оценить качество коммуникации, а значит, и возможные риски смещений и ошибок, связанные как с поведением интервьюера и респондента, так и с формулировкой вопроса. Таким образом, основной методический вопрос о надежности и валидности опросного инструмента становится вопросом содержательным — насколько можно доверять полученным данным, опираться на них в исследованиях репродуктивного поведения россиян?

Поведенческое кодирование коммуникации

Поведенческое кодирование коммуникации [Рогозин, 2002: 14—17] позволило выделить три признака, или коммуникативных действия, для интервьюера и два — для респондента: (1) интервьюер уточняет ответ, (2) интервьюер объясняет вопрос, (3) интервьюер комментирует ответ респондента, (4) респондент аргументирует свой ответ, (5) респондент отвечает задумчиво, сомневается. Теоретически коммуникативные действия могут происходить в любом порядке, поэтому возможны шесть вариантов встречаемости: от отсутствия какого-либо признака в коммуникации до наличия всех пяти признаков.

Как показал анализ материалов, когда респондент говорит о желании иметь детей, чаще наблюдаются однозначные ответы, не сопровождаемые дополнительными комментариями и уточнениями: в 19 интервью не зафиксировано ни одного коммуникативного действия. Одно коммуникативное действие со стороны интервьюера или респондента наблюдалось, когда последний затруднялся с ответом — в 15 интервью. Более развернутая коммуникация происходит тогда, когда респондент говорит о нежелании иметь детей — в 14 интервью наблюдалось от двух до четырех действий (см. табл. 6).

Таблица 6. Количество закодированных коммуникативных действий для получения ответа на вопрос о желании иметь детей среди бездетных, абсолютные значения

Количество закодированных коммуникативных действий	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Ни одного	19	8	12	39
Одно	4	8	15	27
Два	5	9	1	15
Три	2	4	1	7
Четыре	0	1	1	2
Пять	0	0	0	0

Ни разу не были закодированы все пять коммуникативных действий в одной интеракции между интервьюером и респондентом. Последнее отчасти связано с поведением интервьюера, который выбирал ту или иную стратегию коммуникации. Так, объяснение вопроса ни разу не наблюдалось совместно с уточнением ответа или с комментариями к ответу.

Обычно затруднения с ответом иницируют коммуникацию. Интервьюер старается обеспечить адекватность ответа, сохранить разговор в формате стандартизированного интервью [Рогозин, Ипатов, Галиева, 2018: 248]. С одной стороны, интервьюер не сразу соглашается с таким ответом, поскольку в предлагаемом артикулируемом вопросе отсутствует такой вариант.

И.: Вы бы хотели иметь детей?

Р.: Это трудно сказать, потому что такой мир, в котором трудно воспитать ребенка. Да и вообще не понятно, что творится.

И.: То есть да, нет или...?

Р.: Нет, похоже.

И.: Нет. Угу. (Интервьюер не кодирует сразу сомнения респондента как затруднение, а уточняет ответ. Он не успевает договорить возможный вариант с затруднением, как респондент прерывает его с готовым; мужчина, 27 лет, бездетный, опрос 2015 г.)

С другой стороны, затруднение с ответом маркируется как несогласие с последним, уход от предлагаемой коммуникации, потому требует от респондента дополнительных усилий по обоснованию такового. В вопросе о желании иметь детей отрицательный ответ набирает существенно больше коммуникативных действий со стороны респондента, нежели положительный (см. табл. 7), что косвенно указывает на социальную нежелательность, неодобряемость такого выбора.

Желание иметь детей, напротив, оценивается как социально одобряемое, приемлемое и не требующее дополнительных объяснений:

И.: Вы хотели бы иметь детей?

Р.: Все хотят.

И.: Ну вы хотите, да?

Р.: Да.

И.: Хорошо. Есть мужчины, которые не хотят. (Интервьюер комментирует ответ, но лишь в качестве подтверждения того, что ответ принят, записан в анкету. Респондент прямо говорит о распространенности и безусловности положительного ответа: «Все хотят»; мужчина, 28 лет, бездетный, опрос 2015 г.)

Кодирование ответов на вопрос о желании иметь детей проходило на одинаковых выборках по 90 человек в каждый год. Год от года общее количество коммуникативных действий сокращается: с 26 в 2015 г. до 17 в 2020 г. (см. табл. 8).

Таблица 7. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения разных ответов на вопрос о желании иметь детей среди бездетных, абсолютные значения

Коммуникативные действия	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Интервьюер уточняет ответ	6	7	6	19
Интервьюер объясняет вопрос	3	3	1	7
Интервьюер комментирует ответ респондента	2	1	2	5
Респондент аргументирует свой ответ	1	7	4	12
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянуто	3	9	10	22
Итого	15	27	23	65

Таблица 8. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения ответа на вопрос о желании иметь детей в разные годы проведения опроса среди бездетных, абсолютные значения

Коммуникативные действия	2015	2017	2020	Всего
Интервьюер уточняет ответ	5	7	7	19
Интервьюер объясняет вопрос	1	4	2	7
Интервьюер комментирует ответ респондента	4	0	1	5
Респондент аргументирует свой ответ	5	5	2	12
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянуто	11	6	5	22
Итого	26	22	17	65

Рост количества бездетных, отказывающихся от детей в будущем, от опроса к опросу сопровождается снижением интенсивности коммуникации, что интерпретируется нами и как уменьшение коммуникативных сбоев и снижение социального неодобрения подобных ответов. Данное наблюдение вполне согласуется с тенденцией роста фактической бездетности.

Отложенное рождение детей

Во время прослушивания аудиозаписей мы обнаружили, что в 21 интервью из 90 (23%) респондент на вопрос «Вы хотели бы иметь (еще) детей?» дает ответ «пока нет», таким образом редуцируя вопрос до текущего момента. В восьми случаях при таком ответе интервьюеры зафиксировали его без уточнений и объяснений, еще семи респондентам интервьюеры объяснили вопрос или уточнили ответ, но респонденты все равно ответили «нет».

И.: Вы бы хотели иметь детей?

Р.: Пока нет.

И.: Нет вообще имеется в виду?

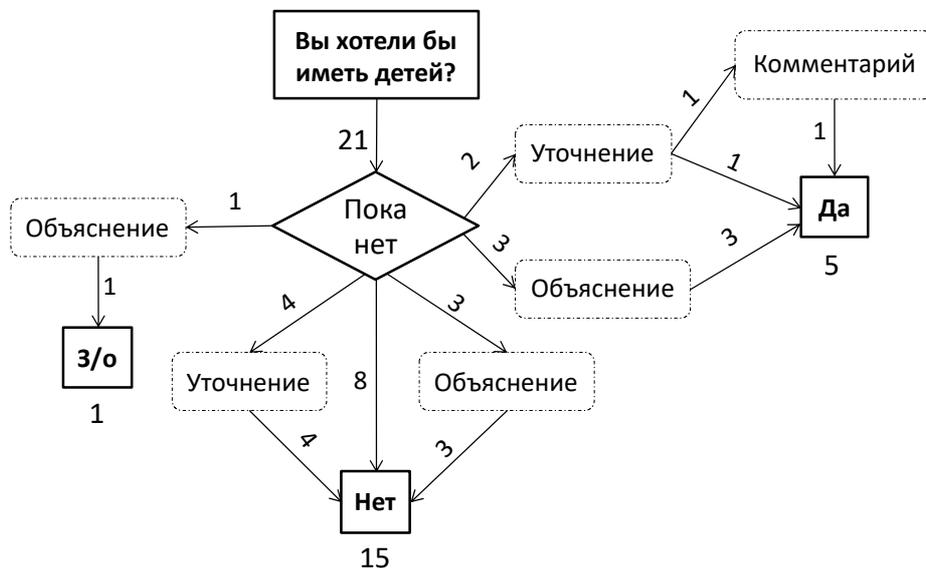
Р.: Ну как я могу ответить? Не знаю.

И.: Нет. Вы вообще хотели бы иметь детей?

Р.: Наверное ... нет. (Респондент сомневается в ответе, уточнение вопроса скорее указывает на неуверенность и нерасположенность говорить о каком-то решении, которого в принципе еще нет; женщина, 18 лет, бездетная, опрос 2017 г.)

Кроме того, после уточнений и объяснений вопроса пять респондентов ответили, что хотели бы иметь детей, а один респондент в итоге затруднился с ответом (см. рис. 1).

Рис. 1. Блок-схема коммуникативных переходов при получении ответа «пока нет» среди бездетных в возрасте 18—49 лет, абсолютные значения

Из 30 закодированных интервью в 2015 г. ответы «пока нет» дали 4 респондента (13%), в 2017 г. — 7 респондентов (23%), в 2020 г. — 10 респондентов (33%). Мы наблюдаем рост доли респондентов, редуцирующих вопрос до текущей ситуации.

Одновременно незначительно снижается коммуникативная активность интервьюеров, то есть они принимают подобное различие, и респондентов, которые не поясняют свой выбор. Это приводит к тому, что примерно четверть ответивших «пока нет» в принципе относятся позитивно к рождению детей и откладывают его из-за текущих неблагоприятных обстоятельств.

Неопределенность ответов

Исследователи отмечают, что ситуация с пандемией оказывает существенное влияние на рост неопределенности, приводит к отказу от долгосрочного планирования [Общество и пандемия..., 2020: 190—191], а следовательно — к отождествлению вопроса с текущим состоянием «здесь и сейчас». Однако этому противоречит рост числа таких ответов у бездетных в 2017 г. по сравнению с 2015 г. Другими словами, происходит смещение восприятия вопроса с общего представления о желательности детей до желания иметь детей в текущий момент.

И.: Вы бы хотели иметь детей?

Р.: Нуууу, мне для этого достатка сейчас не хватает...

И.: Тут сейчас не о достатке говорим, а хотели бы вы, чтобы дети у вас были, или нет?

Р.: Ну, вообще да, хотел бы. (Респондент вводит условие достатка, но интервьюер объясняет вопрос, после чего респондент соглашается, добавляя, что в целом он не против; мужчина, 36 лет, бездетный, опрос 2020 г.)

В первую очередь это связано с неопределенностью, отсутствием осмысленных убеждений о желательности или нежелательности детей. Большинство ответов даются бездетными в относительной форме с упоминанием условий или возможности изменить высказанную точку зрения. Как положительные, так и отрицательные ответы о желании иметь детей вполне могут быть изменены, если интервьюер продолжит разговор:

И.: Вы хотели бы иметь детей?

Р.: Пока еще нет. Рано.

И.: Ну, а в принципе-то хотели или нет?

Р.: Нууу, неет (смеется). (Вначале респондент уходит от ответа, обосновывая это тем, что на обозначенную тему еще рано думать. Затем со смехом высказывает несогласие иметь детей. Однако это высказывание не категорично и вполне может быть заменено на противоположное; женщина, 20 лет, бездетная, опрос 2015 г.)

Разговорная форма ответа на вопрос о желательности детей позволяет интервьюерам задавать вопрос, сохраняя привычный ритм коммуникации. Изменение порядка слов в вопросе («Вы хотели бы иметь детей?» или «Вы бы хотели иметь детей?») не приводит к каким-либо смещениям и искажениям восприятия. Вместе с тем формулировка вопроса, близкая к разговорной речи, подталкивает к рассуждениям, вводит в область неопределенности людей, не имеющих родительского опыта. Вопрос прост для восприятия и весьма сложен для поиска в памяти релевантной информации и формулирования суждения (подробнее об особенностях

восприятия вопроса см. [Рогозин, 2002]). Первой усложняющей дилеммой становится разговор о настоящем и конкретном или будущем и абстрактном; второй — граница между принципиальным несогласием иметь детей или вынужденностью, отказом из-за внешних обстоятельств. Кроме того, неопределенность будущего, неосознанность текущих поступков ставит отвечающих в весьма уязвимое положение, в котором легко перейти к риторическим приемам, заместить размышления шуткой, решение — иронией и смехом.

Респонденты с детьми

На ответы о планировании детей среди бездетных большое влияние может оказывать социальное окружение, бытующие в культуре нормы и представления: «иметь детей правильно, осмысленно»; «семья с ребенком полноценна»; «в старости кто-то должен ухаживать» и так далее. Социальное одобрение детности тем самым оказывает значительное влияние на утверждение о намерениях при фактической нерасположенности к рождению детей. Чтобы обнаружить и вычленить эффект социального одобрения, полезно рассмотреть представления и аргументацию детных родителей, изменение динамики их ответов за анализируемый период.

Количество родителей, желающих иметь еще детей, снижается год от года, и это согласуется с динамикой показателей среди бездетных (см. табл. 1 и 9). Однако число не желающих иметь еще детей увеличилось всего на 2 п. п., в то время как среди бездетных этот рост составил 12 п. п.

Таблица 9. Динамика ответов на вопрос о желании иметь еще детей среди детных респондентов в возрасте от 18 до 49 лет включительно, % по столбцу

Вы хотели бы еще иметь детей?	2015	2017	2020
Хотел(а) бы иметь детей	51	49	46
Не хотел(а) бы иметь детей	44	45	47
Затрудняюсь ответить	5	6	7
Итого, респондентов	2180	1844	1480

С одной стороны, родители демонстрируют более ответственный и осмысленный подход к рождению детей, с другой — их ответы меньше связаны с изменяющимися социально-экономическими условиями. Бытующая среди исследователей привычка искать и находить корреляции между экономическим положением и планированием детей требует переосмысления. Необходимо строить более сложные объяснительные модели, в которых экономическая компонента, возможно, станет второстепенной.

Вопрос о детях вызывает большую коммуникативную включенность детных (см. табл. 9) по сравнению с бездетными респондентами (см. табл. 6). Снижается число однозначных ответов без каких-либо комментариев; возрастает доля продолжительных разговоров с тремя и более коммуникативными действиями.

Таблица 9. Количество закодированных коммуникативных действий для получения ответа на вопрос о желании иметь детей среди детных респондентов, абсолютные значения

Количество закодированных коммуникативных действий	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Ни одного	7	14	4	25
Одно	6	9	11	26
Два	8	3	9	20
Три	5	1	6	12
Четыре	3	2	0	5
Пять	1	3	0	4

Разговор о детях становится предметным и осмысленным, желание соотносится с материальным достатком и разговор в целом переходит в размышление о текущем состоянии и общей обеспокоенности неустойчивым материальным положением.

И.: Скажите, вы бы хотели иметь еще детей? Да, нет.

Р.: Ой, такой сложный вопрос. Эээээ... мmmm... Можно я как-то по-своему отвечу? Если бы позволяло финансовое положение, если бы я понимала, что могу обеспечить этого ребенка, прокормить его, дать ему образование и как бы вот действительно время уделять ему. Сейчас я только одному уделяю ребенку время, а там надо будет двоим, за двоими вот это вот смотреть, то как бы да, хотела бы. А так... мmmm... опять же — все в деньги упирается, поэтому как бы особо и не хочется.

И.: [Имя], есть внутреннее желание? У вас есть желание иметь еще детей?

Р.: Ну, такое есть, да. (Женщина, 30 лет, один ребенок, опрос 2015 г.)

Изначальный отбор среди наиболее продолжительных ответов сместил выборку в сторону возрастных респондентов. Потому, кроме материальных затруднений, среди основных причин нежелания иметь еще детей упоминалось возрастное ограничение, неподходящий для рождения возраст. Чаще всего об этом говорили женщины около сорока лет и старше.

И.: А скажите, пожалуйста, вы бы хотели иметь еще детей?

Р.: Еще? Да нет, уже поздно.

И.: Ну, а если бы все-таки... в каком-то возрасте еще были репродуктивным? Если бы не поздно было, как вы выразились? Хотели бы?

Р.: Ой... хотелось бы, но сил бы уже не хватило на воспитание.

И.: Но вообще хотели бы, да?

Р.: Да. (Женщина, 43 года, двое детей, опрос 2015 г.)

Респонденты с детьми чуть реже отвечают с сомнением: 19 раз растянутый, неуверенный ответ зафиксирован в этой группе респондентов (см. табл. 10) и 22 — у бездетных (см. табл. 7). Однако у респондентов, имеющих детей, многократно увеличивается число аргументированных, развернутых ответов, что при-

водит интервьюера к необходимости гораздо чаще уточнять ответ: среди детных респондентов зафиксировано 40 уточнений, среди бездетных — 19.

Таблица 10. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения разных ответов на вопрос о желании иметь детей среди детных респондентов, абсолютные значения

Коммуникативные действия	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Интервьюер уточняет ответ	9	13	18	40
Интервьюер объясняет вопрос	9	2	2	13
Интервьюер комментирует ответ респондента	3	3	1	7
Респондент аргументирует свой ответ	5	18	7	30
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянuto	6	9	4	19
Итого	32	45	32	109

Как и в случае с бездетными респондентами, наиболее насыщенное общение о желании иметь детей состоялось в 2015 г. (см. табл. 11). Последующее снижение интенсивности коммуникации навряд ли можно объяснить снижением социального неодобрения: наличие хотя бы одного ребенка — социальная норма, не требующая дополнительных обоснований или оправданий. Более того, социальным одобрением пользуются размышления о воспитании и достойном материальном обеспечении детей, а отсутствие таких возможностей становится значимым аргументом для отказа от расширения семьи.

Таблица 11. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения ответа на вопрос о желании иметь детей в разные годы проведения опроса среди респондентов с детьми, абсолютные значения

Коммуникативные действия	2015	2017	2020	Всего
Интервьюер уточняет ответ	14	7	19	40
Интервьюер объясняет вопрос	5	4	4	13
Интервьюер комментирует ответ респондента	6	0	1	7
Респондент аргументирует свой ответ	13	8	9	30
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянuto	9	5	5	19
Итого	47	24	38	109

Рост интенсивности общения в 2020 г. в большей степени связан с увеличившейся обеспокоенностью материальным положением. Именно текущие затруднения и неопределенность будущего подталкивает семьи осторожно относиться к рождению, ограничивать свои желания.

И.: Вы хотели бы иметь еще детей?

Р: Сложный вопрос, очень сложный. Вы знаете, не от меня зависящий фактор, знаете. Я бы как бы вроде бы — да, и супруга — да, но вот социальное состояние, оно как бы не располагает к этому.

И.: Хорошо. (Мужчина, 36 лет, двое детей, опрос 2020 г.)

В такой коммуникативной ситуации интервьюеры реже задавали уточняющие вопросы о желании иметь детей в принципе, а если и задавали, то куда чаще получали отрицательный ответ.

И.: Вы бы хотели иметь еще детей?

Р: Ну, если бы платило государство достаточно денег, тогда я бы смогла их содержать, а не платить за квартиру по десять тысяч, тогда да, да хоть десять, а так — нет.

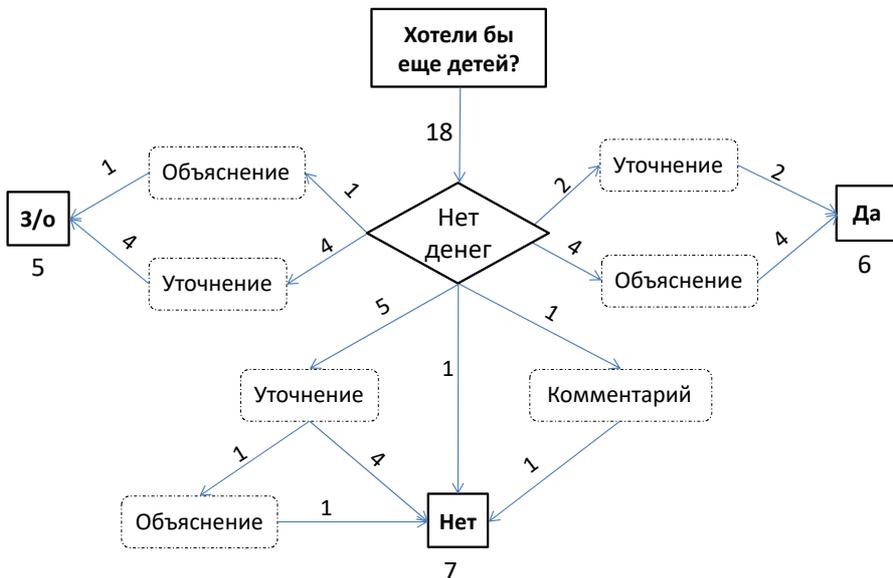
И.: Мммм, то есть какой можем ответ зафиксировать? Да либо нет?

Р: Нуууу, ннет, наверно, тогда.

И.: Угу. (Женщина, 25 лет, двое детей, опрос 2020 г.)

Снижение количества однозначных ответов, рассуждения и аргументы, сопровождающие все варианты ответов, подчеркивают значимость и осмысленность разговора о рождении детей среди детных респондентов, обыденность и привычность для них подобных вопросов.

Рис. 2. Блок-схема коммуникативных переходов при получении ответа «нет денег» среди респондентов с детьми в возрасте 18—49 лет, абсолютные значения

Итак, вопрос о планировании рождения детей весьма прост для восприятия. Он не раз задавался респондентам в обыденных ситуациях, возможно, проговаривался про себя. Но навряд ли у многих получал однозначные и простые ответы. Легкий и понятный, этот вопрос чрезвычайно сложен для поиска в памяти релевантной информации и формулирования суждения. В разговоре о планировании детей смешивается прошлое, настоящее и будущее, и отнюдь не всегда это смешение удается зафиксировать интервьюеру — понять, о чем действительно говорит собеседник.

Большинство ответов о планировании детей связываются с условиями жизни, текущими или предполагаемыми обстоятельствами. Речевая конструкция «если» всегда предполагает возможное изменение точки зрения, отрицает какую-либо жесткость в суждениях. Планирование детей — это не акт принятия рационального решения, а некоторая форма размышления над собственной жизнью, над особенностями своей семьи, спецификой социального окружения. Бездетные реже высказываются о нежелании иметь детей по сравнению с детными, но ответы и тех, и других относительно, неустойчивы, не сбалансированы некоторым набором однозначных и прямолинейных аргументов. Скорее речь идет об амбивалентной позиции «с одной стороны, с другой стороны», которая завершается ответом под влиянием условий текущей коммуникативной ситуации.

Общий рост популярности бездетных или малодетных установок в семьях был значительно усилен текущей ситуацией — пандемией COVID-19. Не столько риски здоровью, сколько возможное значительное ухудшение материального благополучия приводит к тому, что многие респонденты говорят о неготовности к рождению ребенка, страхе за его будущее.

Заключение

Предпочтения иметь или не иметь детей могут и должны использоваться в комплексе показателей репродуктивного поведения населения. Однако они не являются метаустановкой, а изменяются под влиянием возраста и в ответ на текущие обстоятельства жизни. Кроме того, их фиксация в ходе массового опроса также может быть результатом той или иной коммуникативной ситуации.

В течение наблюдаемого периода социальный портрет предпочитающих бездетность изменился явным образом. Если в 2017 г. ключевым определяющим фактором было отсутствие стабильных партнерских отношений, то сейчас данный выбор определяет целый комплекс факторов. Самое сильное влияние остается за религиозными установками. Вместе с тем выросло значение депривационных социально-экономических характеристик; возможно, это временное явление, коррелирующее с обстоятельствами эпидемиологического кризиса.

Включение в рассмотрение согласия с утверждением о «нормальности» бездетности меняет картину предпочтений. Респонденты, поддерживающие бездетный выбор как социальную норму и заявляющие о собственном нежелании иметь детей, тяготеют к группе «форвардов модернизации». Чаще это молодые, проживающие в столицах, не имевшие братьев и сестер, неверующие по самоопределению, сильно вовлеченные в мультизадачное пользование интернетом и не имеющие стабильных партнерских отношений. Использование более сильного показателя

предпочтений бездетности снижает долю таких респондентов всего с 22 % до 17 % и не отменяет его роста по сравнению с предыдущими годами опросов.

Социологический анализ косвенно подтвердил, что нежелание иметь детей остается социально нежелательным, неодобряемым выбором. Вместе с тем обстоятельства опроса 2020 г. провоцировали на увеличение числа ответов «пока нет» и на принятие интервьюерами этого варианта ответа. Многие ответы даются бездетными в относительной форме с упоминанием условий жизни или возможностей изменить высказанную точку зрения, а значит, не являются окончательным решением.

Все это говорит о том, что опрос 2020 г., скорее всего, несколько завышает долю не желающих иметь детей за счет тех, кто предпочитает отложить принятие этого решения. Это можно отнести на счет высокой неопределенности будущего в год пандемии коронавируса. Однако распространение добровольной бездетности — в ее широком понимании, в том числе с учетом «остающихся бездетными», — в России, несомненно, происходит.

Список литературы (References)

Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.

Belova V. A., Darsky L. E. (1972) Opinion Statistics in the Study of Fertility. Moscow: Statistika. (In Russ.)

Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.

Borisov V. A. (1976) Fertility Prospects. Moscow: Statistika. (In Russ.)

Захаров С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 6—26. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>.

Zakharov S. V. (2016) Modest Demographic Results of the Pronatalist Family Policy in the Context of Long-Term Evolution of Fertility in Russia. Part 2. *Demographic Review*. Vol. 3. No. 4. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>. (In Russ.)

Ипатова А. А., Тындик А. О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 4. С. 123—148.

Ipatova A. A., Tyndik A. O. (2015) Reproductive Age: 30 Years Old in Preferences and Biographies. *Mir Rossii*. Vol. 24. No. 4. (In Russ.)

Ипатова А. А., Rogozin Д. М. Условия коммуникативного успеха в стандартизированном телефонном интервью // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 21—54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>.

Ipatova A. A., Rogozin D. M. (2014) Conditions for Communicative Success in a Standardized Telephone Interview. *Sociologicheskij zhurnal*. No. 1. P. 21—54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>. (In Russ.)

Макаренцева А. О. Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 17(119). Июнь / под ред. Гуревича В. С., Дробышевского С. М., Колесникова А. В., Мау В. А., Синельникова-Мурылева С. Г. Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020. С. 25—30.

Makarentseva A. O. (2020) The influence of the epidemiological situation on the reproductive intentions of the population. In: Gurevich V. S., Drobyshevskiy S. M., Kolesnikov A. V., Mau V. A., Sinelnikov-Murylev S. G. (eds.) *Monitoring the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socio-Economic Development*. 2020. No. 17(119). June. Gaidar Institute for Economic Policy, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. P. 25—30. (In Russ.)

Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / под ред. Мау В. А., Идрисова Г. И., Кузьминова Я. И., Радыгина А. Д., Садовниченко В. А., Синельникова-Мурылева С. Г. М., 2020.

Mau V. A., Idrissov G. I., Kuzminov Ya. I., Radygin A. D., Sadovnichy V. A., Sinelnikov-Murylev S. G. (eds.) (2020) *Society and Pandemic: Experience and Lessons in the Fight Against COVID-19 in Russia*. M. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Rogozin D. M. (2002) *Cognitive Analysis of the Survey Tool*. Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Рогозин Д., Ипатова А., Галиева Н. Стандартизированное (телефонное) интервью. М.: Пункт, 2018.

Rogozin D., Ipatova A., Galieva N. (2018) *Standardized (Telephone) Interview*. Moscow: Punkt. (In Russ.)

Тындик А. О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: Дело РАНХиГС, 2015.

Tyndik A. O. (2015) *The Demographic Agenda of Modern Russia: The Structure and Reproduction of the Population*. Moscow; Delo RANEPА. (In Russ.)

Ajzen I., Fishbein M. (1980) *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Biryukova S. S., Tyndik A. O. (2015) Prevalence and Determinants of Childlessness in Russia and Moscow. *Genus*. Vol. 71. No. 1. P. 1—22.

Freedman R., Baumert G., Bolte M. (1959) Expected Family Size and Family Size Values in West Germany. *Population Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 136—150.

Freedman R., Coombs L. C., Bumpass L. (1965) Stability and Change in Expectations About Family Size: A longitudinal Study. *Demography*. Vol. 2. No. 1. P. 250—275.

Keizer R., Dykstra P.A., Jansen. M.D. (2008) Pathways Into Childlessness: Evidence of Gendered Life Course Dynamics. *Journal of Biosocial Science*. Vol. 40. No. 6. P. 863—878. <https://doi.org/10.1017/S0021932007002660>.

Miettinen A., Rotkirch A., Szalma I., Donno A., Tanturri M.-L. (2015) Increasing Childlessness in Europe: Time Trends and Country Differences. *Families and Societies. Working Paper Series*. No. 33.

Neely W. C. (1940) Family Attitudes of Denominational College and University Students, 1929 and 1936. *American Sociological Review*. Vol. 5. No. 4. P. 512—522.

Schoen R., Kim Y.J., Nathanson C. A., Fields J., Astone N. M. (1997) Why Do Americans Want Children? *Population and Development Review* Vol. 23. No. 2. P. 333—358. <https://doi.org/10.2307/2137548>.

Toulemon L. (1996) Very Few Couples Remain Voluntarily Childless. *Population An English Selection*. P. 1—27.

Trent R. B. (1980) Evidence Bearing on the Construct Validity of «Ideal Family Size». *Population and Environment*. Vol. 3. No. 3—4. P. 309—327.

Westoff C. F., Mishler E. G., Kelly E. L. (1957) Preferences in Size of Family and Eventual Fertility Twenty Years After. *American Journal of Sociology*. Vol. 62. No. 5. P. 491—497.